

Гвардия Наполеона в Москве 14-16 сентября 1812 г.

Тема московского пожара 1812 г. относится к числу вечных тем русской истории. Пройдя огонь и пепел «самосожжения» первопрестольной, Россия и русские возродились к новой жизни, преисполненной ощущением безграничной силы и законности своего места среди великих народов. Вполне очевидно поэтому, что перипетии последующей после 1812 года русской истории, перемены в русском национальном самосознании не могли не проявиться в оценках причин (а следовательно, и в историческом смысле и роли) великого московского пожара. В ходе уже почти двухвековых споров (нередко весьма ожесточенных) в отечественной историографии о московском пожаре весь набор возможных версий, казалось бы, уже давно исчерпан. Даже наиболее талантливые современные композиции картин московской трагедии 1812 г. (скажем, А.Г.Тартаковскогоⁱ) при ближайшем рассмотрении оказываются только интерпретациями прежних версий (М.И. Богдановича, А.Н. Попова, А. Ельницкогоⁱⁱ). На фоне калейдоскопического мелькания вариантов объяснения московских событий 1812 г., предлагавшихся в отечественной историографии, французская версия определенно выглядит более последовательной. Она связывает пожар почти исключительно с инициативой, исходившей от русской стороны и, в особенности, от Ф.В. Ростопчинаⁱⁱⁱ. Опровергать французскую версию (как, впрочем, и любую русскую версию) было бы почти безрезультативным занятием: она покоится на прочном фундаменте фактов, утвердившихся в сознании французов — очевидцев московского пожара.

Представляется, что сегодня есть три пути в попытках дальнейшего исследования темы оккупации Москвы и московского пожара 1812 года:

1.Пытаться обнаружить новый, не известный ранее пласт источников. Этот путь малопродуктивен: если даже ряд новых материалов и будет найден, вряд ли они радикально смогут изменить существующие ныне версии. (Примечательно, что последние 10-15 лет неустанно раздаются голоса о необходимости закончить «надоевший» спор о том, кто же поджог Москву, - ведь все очевидно: это Ф.В. Ростопчин и М.И. Кутузов; наконец, популярен ныне и вариант простого перечисления факторов, повлиявших на пожар первопрестольной).

2.Отказаться на время от стремления реконструировать ход событий как от занятия малопродуктивного и сосредоточиться на самих механизмах возникновения различных версий пожара и в целом событий в Москве; вообще, обратиться к так называемой новой историографии, интеллектуальной истории и к иным новомодным вещам.

3.Поставить перед собой задачу нового прочтения и сопоставления всех известных на сегодняшний день материалов и поддаться искушению «набрать» такое количество микрочастичек прошлого, которое позволит убедить окружающих (но, конечно, не себя) в такой реконструкции прошлого, «каким оно было на самом деле».

Мы пытаемся сегодня идти по третьему пути, полагая, что в дальнейшем движение по нему откроет для нас возможность продвинуться также по первому и второму направлениям.

Реконструкция обстоятельств пребывания Великой армии Наполеона в Москве обеспечивается сегодня значительным комплексом материалов. Однако эти материалы отнюдь не равноценно освещают действия разных частей, дивизий и корпусов Великой армии. Наиболее значительный документальный материал относится к действиям императорской гвардии, поэтому и реконструкцию пребывания Наполеона в Москве следует начинать именно с гвардии. Самым уникальным источником по сию пору остается книга приказов 2-й роты 2-го батальона 2-го полка пеших гренадеров императорской гвардии, хранящаяся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки^{iv}. Первая запись, относящаяся к московскому периоду, сделана в ней, к сожалению, только 18 сентября¹

, последняя - 6 октября 1812 г. Эта книга приказов привлекла внимание многих отечественных историков^v. Однако все они использовали содержащуюся в книге

информацию исключительно фрагментарно, что объясняется, во-первых, стремлением проиллюстрировать главным образом участие гвардии в московских грабежах, а во-вторых, трудностью чтения текста из-за того что записи этого периода делались весьма неаккуратно, в спешке и разными лицами. Между тем данный источник способен дать более разнообразный материал для современного исследователя, в особенности если привлечь расшифрованный и опубликованный французами в первый раз еще в 1900 г. текст этой книги приказов^{vi}. Книгу приказов великолепно дополняет публикация документов Наполеона; начальника Главного штаба А.Л. Бертье; командира 4-го армейского корпуса Е. Богарне; дневники А.О.А. Майи-Неля, сублейтенанта, ординарца генерал-адъютанта А.Ж.О. Дюронеля; Э.В.Э. Кастеляна, капитана (затем шефа батальона), адъютанта генерал-адъютанта Л.М.Ж. Нарбонна; Л.Ф. Фантен дез Одара, капитана гвардии, командира 4-й роты 1-го батальона 2-го полка пеших гренадеров гвардии; отрывки из «Дорожного дневника» А.О.Л. Коленкура, обершталмейстера императора; воспоминания Л.Ж. Вьонне де Марингоне, шефа батальона фузелеров-гренадеров гвардии; А.О.Ф. Пион де Лоша, капитана, командира 3-й роты пешего артиллерийского полка Старой гвардии; П.Ш.А. Бургоэня, сублейтенанта 5-го полка вольтижеров Молодой гвардии, состоявшем при дивизионном генерале А.Ф. Делаборде, командире 1-й гвардейской пехотной дивизии; А.Ж.Б. Бургоня, сержанта полка фузелеров-гренадеров Молодой гвардии; Ж.Ф.

Булара, 2-го майора полка пешей артиллерии Старой гвардии; П. Бертезена, бригадного генерала из дивизии Молодой гвардии Делаборда; Г. Брандта, капитана 2-го пехотного полка Легиона Вислы; Ф. Дюмонсо, капитана, командира роты 2-го гвардейского шеволежерного (голландского) полка, и др.^{vii}

Вспомогательную, но важную роль играют также воспоминания и работы иных французских участников кампании 1812 года: Коленкура; бригадного генерала Ф.П. Сегюра, главного квартирера императорского двора; А.Ж.Ф. Фэна, секретаря-архивиста Кабинета императора; П.П. Деннье, субинспектора смотров в кабинете начальника Главного штаба армии маршала Л.А. Бертье; Л.Ф.Ж. Боссе, префекта императорского двора; Г. Гурго, старшего ординарца Наполеона, и др.^{viii} Большое значение имеют данные крупнейшего статистика французской армии А. Мартиньена, опубликовавшего в 1895 г. сведения о потерях офицерского состава армии Наполеона^{ix}.

Численность императорской гвардии после Бородинского сражения продолжала оставаться значительной. Напомним, что, согласно переключке 2 сентября, в строю (т. е. исключая в том числе и нестроевых) в императорской гвардии было: во 2-й пехотной дивизии (Молодая гвардия) под командованием дивизионного генерала Роге 3649 человек пехоты и 213 артиллеристов при 8 орудиях; в 3-й пехотной дивизии (Старая гвардия) под командованием дивизионного генерала Кюриала - 5305 человек пехоты и 815 в артиллерии при 32 орудиях; в пехотной дивизии Легиона Вислы под командованием дивизионного генерала Клапареда - 2608 человек пехоты, 254 в артиллерии при 12 орудиях; в гвардейской кавалерийской дивизии под командованием дивизионного генерала Вальтера - 4000 кавалеристов, 361 человек артиллеристов при 12 орудиях; в гвардейской резервной артиллерии под командованием дивизионного генерала Сорбье - 1184 человека при 37 орудиях. Инженеров Старой гвардии и моряков, приданных резервной артиллерии, насчитывалось 223 человека. Кроме того, в материалах переключки в составе резервной артиллерии Молодой гвардии значилось еще 250 человек при 8 орудиях. Таким образом, без войск

132 при Главной квартире, в императорской гвардии было 11562 человека пехоты, 4000 кавалеристов и 3300 человек в артиллерии при 109 орудиях^x. Во время Бородинского сражения, по нашим подсчетам, пехота и кавалерия потеряли относительно немного - из строя выбыло примерно 250 человек. Что же касается артиллерии, то ее потери были значительными, но определить их более или менее точно не представляется возможным^{xi}.

В последующие дни, вплоть до 22-25 сентября гвардия в боевых столкновениях практически не участвовала. Более того, 11 сентября к армии присоединилась 1-я дивизия Молодой гвардии под командованием А.Ф. Делаборда, которая на 11 октября имела в строю 190 офицеров и 3442 солдата^{xii}. Следовательно, ко времени вступления в Москву численность и боеспособность императорской гвардии не только не уменьшились, но даже

заметно увеличилась. Согласно переключке, проведенной 20 сентября, и с учетом иных данных, собранных Бертье к 28 сентября, в 3-й пехотной дивизии (Старая гвардия) насчитывалось 4831 человек, в корпусе маршала Мортье (Молодая гвардия) - 419 офицеров и 9456 рядовых (на 26 сентября), в гвардейской кавалерии - приблизительно 4 тыс. сабель^{xiii}. Обращает на себя внимание то, что, в отличие от прочей кавалерии Великой армии, гвардейская кавалерия, по оценкам штабистов, сильно не пострадала^{xiv}.

Гвардия увидела Москву примерно в полдень 14 сентября. Сержант Бургонь из полка фузелеров-гренадеров Молодой гвардии (дивизия Роге) говорил, что это произошло в 13.30, когда он и его товарищи оказались на Поклонной горе. «В эту минуту было забыто все - опасности, труды, усталость, лишения, и думалось только об удовольствии вступить в Москву, добраться до удобных квартир на зиму и заняться победами другого рода...»^{xv} Фантен дез Одар, капитан 2-го полка пеших гренадеров Старой гвардии, увидел Москву примерно в то же время. «С холма, — вспоминал он, — откуда Москва развернулась перед нашими изумленными взорами, эта столица как будто отправила нас в фантастические детские видения об арабах, вышедших из тысячи и одной ночи. Мы были внезапно перенесены в Азию, так как [то, что мы видели] уже не было нашей архитектурой... В отличие от устремленности к облакам колоколен наших городов Европы, здесь тысячи минаретов были закруглены, одни золоченые, другие ярких цветов, блескующие под лучами солнца, похожие на множество светящихся шаров, разбросанных и плывущих по необъятному городу; ослепленные блеском этой картины, наши сердца подскочили от гордости, радости и надежды. Что за удовольствия и наслаждения таит в себе эта великолепная Москва!»^{xvi}. Эти ощущения, зафиксированные гвардейцами, полностью соотносятся с десятками подобных свидетельств тех армейских собратьев, которые в те часы и минуты также созерцали с Поклонной горы великолепие «азиатской» столицы. Несмотря на бесчисленную гамму личных переживаний и ощущений, вся армия в те мгновения пережила единый душевный порыв.

Когда оказался на Поклонной горе император? Свидетели указывают поразительно разное время - от 10 утра до половины четвертого пополудни^{xvii}. Мы думаем, что император, проводя рекогносцировки окрестностей Москвы, мог въезжать на Поклонную гору не один раз. В любом случае, впечатления Наполеона от вида русской столицы были столь же сильными, как и у его солдат. «Он остановился в восторге, и у него вырвалось восклицание радости», — отмечал Сегюр^{xviii}.

В тот день Наполеон в Москву предпочел не въезжать и остановился у Дорогомиловской заставы^{xix}. Авангард Великой армии под командованием неаполитанского короля И. Мюрата, ненадолго остановившись у заставы, получил приказ (вероятно, устный, исходивший от императора) вступить в город. Приблизительно в 2 часа дня первые части авангарда вошли в Москву^{xx}. В тот же час в русскую столицу должен был вступить и дивизионный генерал А.Ж.О. Дюронель во главе отборных жандармов, которые хотя и составляли бригаду гвардейской кавалерии, но реально были совсем немногочисленны (полагаем, что в районе сотни). Сам Дюронель был назначен военным комендантом Москвы и ему было приказано «установить там порядок» и «охранять Кремль»^{xxi}.

Авангард Мюрата состоял из 2-го и 4-го корпусов резервной кавалерии, пехотной дивизии Клапареда (Легиона Вислы), приписанной к Молодой гвардии, и 2-й пехотной дивизии под командованием бригадного генерала Ф.М. Дюфура из 1-го армейского корпуса. Впереди, как свидетельствовал Брандт^{xxii}, в Москву вступила кавалерия авангарда. Эта кавалерия, в голове которой, вероятно, шли войска 2-го кавалерийского корпуса под командованием дивизионного генерала О.Ф.Б. Себастьяни, растянулась в длинную плотную колонну. Около 16.30 голова колонны подошла к Кремлю^{xxiii} и, после короткой стычки с толпой москвичей, пытавшихся организовать сопротивление, вступила в него через Троицкие и Боровицкие ворота^{xxiv}. Поручив захваченных в Кремле русских пленных (задержали только «тех, кто носил форму», остальных просто рассеяли) бригадному генералу А.Б.Ж. Дедему ван де Гельдеру, командовавшему бригадой, состоявшей из 33-го линейного полка, 2-й пехотной дивизии Дюфура, Мюрат повел авангард дальше - вслед за русским арьергардом^{xxv}. Дедем выделил для охраны арестованных, запертых «в императорском дворце», роту вольтижеров, а сам с полком

двинулся в составе дивизии до «Владимирской (скорее всего не до Рогожской, выходящей на Владимирскую дорогу, а до Покровской заставы - В.З.) заставы»^{xxvi}. «Когда авангард, — свидетельствует Коленкур, — почти прошел через весь город», Дюронель вместе с сопровождавшим его ординарцем императора Гурго покинули Мюрата и возвратились в Кремль^{xxvii}. Всюду блуждали отставшие русские солдаты, непонятные личности в гражданском платье, по временам слышались выстрелы. Дюронель, сообразуясь с малочисленностью жандармов, находившихся в его распоряжении, решил ограничиться охраной Кремля и Воспитательного дома, который только один занимал обширнейший квартал. По свидетельству Коленкура, Дюронель «отправил императору просьбу о присылке каких-нибудь воинских частей». «Император предписал ему обратиться к герцогу Тревизскому», корпус которого должен был занять город^{xxviii}.

Действительно, дивизия Роге из Молодой гвардии вошла в русскую столицу сразу вслед за авангардом Мюрата. Батальоны дивизии Роге, одетые в «большую форму», вступили в город повзводно, с музыкой во главе каждого полка. Бургонь из полка фузелеров-гренадеров писал, что сигнал к вступлению в город его полк, стоявший у самой заставы, получил в 3 часа дня^{xxix}. Солдат поразило безлюдье, «...некому было слушать нашу музыку, игравшую "Победа за нами!" — сетовал Бургонь. Впрочем, здесь же сержант упомянул несколько случаев, когда русские стреляли по французам и даже бросались на них с вилами. Примерно в половине пятого полк фузелеров-гренадеров оказался «перед первой оградой Кремля»^{xxx}, а затем, обойдя Кремль слева, вступил на «губернаторскую площадь» (так французы-мемуаристы называли площадь перед домом Ф.В. Ростопчина). Здесь части дивизии было приказано встать биваком. Мортье занял дом аптекаря на углу одной из улиц, обращенный к фасаду «дворца губернатора»^{xxxi}. Пока маршал, генералы и офицеры дивизии размещались в пустующих или почти пустующих домах в районе губернатора кого дома, солдаты стаскивали на площадь, где стояли биваком, всевозможную снедь из близлежащих зданий, «...тут были вина разных сортов, водка, конфитюр, множество голов сахара...»^{xxxii}. Полк фузелеров-гренадеров «занял подступы к площади постами и караулами во всех публичных зданиях, в магазинах с различными припасами, в Бирже, в банке и в детском приюте, который имел форму необъятного дворца, и в котором имелись значительные склады», — вспоминал Вьонне де Марингоне, который сам обосновался в доме недалеко от губернаторского дворца^{xxxiii}. Остальная часть дивизии, по его свидетельству, разместилась в Кремле и на Кузнецком мосту. Настоятель французской церкви Св. Людовика, находящейся недалеко от дворца Ростопчина, свидетельствует, что 14 сентября, к вечеру, «рота гренадеров Молодой гвардии обосновалась на Кузнецком мосту»^{xxxiv} и, как можно понять, взяла под охрану церковь и близлежащие кварталы, населенные москвичами-иностранцами. Коленкур отмечает, что так как Мортье «считал, что нельзя расплющить свои силы в первые моменты, тем более что приближалась ночь», маршал так и не решился 14 сентября ввести в Москву дивизию Делаборда^{xxxv}. «Дивизия Делаборда, — вспоминал Бургонь, — продвинулась до пригородов, широко расстилавшихся перед городом; мы провели ночь на открытом воздухе, поскольку дивизии было запрещено, в первый момент, располагаться в домах: опасались, что часть наших одиночных солдат учинит беспорядки, и в этих обстоятельствах начнется пожар»^{xxxvi}. Не исключено, что решение ввести в город только одну дивизию Роге (в ее ослабленных батальонах было на тот момент, вероятно, примерно 3,5 тыс. человек) исходило от императора, который опасался беспорядков со стороны своих солдат, и даже расставил вдоль западной окраины посты, чтобы предотвратить проникновение в город мародеров. Наполеон все еще вел «правильную» войну и надеялся, что «цивилизованное» вступление его войск во вторую русскую столицу неизбежно приведет к заключению мира.

Однако, несмотря на приказ императора, солдаты дивизии Делаборда «проникли во все постройки, расположенные поблизости; они принесли доски, мебель, ковры, которые они стащили в свой импровизированный лагерь»^{xxxvii}. Бургонь повествует о том, что в его полк были присланы «из штаба» большие еловые ящики из-под мыла. Из них солдаты соорудили своего рода шалаши, куда они натащили разного рода провизию и вещи из ближайших московских домов. В лагере гвардейских вольтижеров царило веселье^{xxxviii}.

Несколько другие настроения преобладали в полках Старой гвардии, которая

расположилась в ближайших от Дорогомиловской заставы садах. Фантен дез Одар вспоминал: «От высот, на которых мы испытали экстаз, наша колонна вскоре спустилась вниз к Москве и к вечеру мы спокойно вступили в ее пригороды. Безлюдье и молчание, которые мы [встретили], неприятно успокоили то первое счастливое возбуждение, взволновавшее нашу кровь немного ранее, и это вселило в нас беспокойство и тревогу»^{xxxix}. Вероятно, в отличие от солдат дивизии Роге, бойцы Старой гвардии не позволили себе нарушить приказ и поживиться в домах предместья, Ложе, на котором Фантен дез Одару пришлось провести ночь в саду возле большой дороги, «не походило на то», о котором он мечтал в течение дня^{xl}. Там же, у западных московских пригородов, устроила бивак основная масса гвардейской кавалерии.

Только бригада Кольбера находилась примерно в 15 лье к юго-западу от Москвы^{xli}. Легион Вислы (при нем, вероятно, была и дивизионная артиллерия), который двигался, как известно, в составе авангарда, расположился на ночь возле Покровской (Семеновской) заставы под открытым небом. Генерал Клапаред с несколькими офицерами и 20 гренадерами «устроился в монастыре (Покровском - В. 3.), стоявшем вблизи вала»^{xlii}.

Часть гвардейской артиллерии 14 сентября была введена в город, вероятно, для поддержки дивизии Роге. «14 сентября в 6 вечера моя батарея была первой, которая отправилась в Москву», - писал капитан Пион де Лош, командир 3-й роты пешего артиллерийского полка Старой гвардии, которая входила в резервную артиллерию Молодой гвардии^{xliii}. Пион де Лош дошел с орудиями до «общественной площади», которая была заполнена войсками Роге и, не имея возможности расположить там орудия, встал на площади севернее, «по дороге от Кремля до Петровского замка» (полагаем, что по Тверской улице рядом с домом генерал-губернатора), С одной стороны он видел «променад», с другой - «женский монастырь» (полагаем, что это был Страстной монастырь). Эту площадь французы позже назовут «площадью повешенных»^{xliv}. Пион де Лош расположил свой оружейный парк в форме каре, орудия поставил на углах, людей и лошадей разместил в центре. Затем отправил своих лейтенантов с несколькими канонирами по окрестным улицам в поисках припасов. Всюду, по его словам, уже царил грабеж и «без сомнения то же самое происходило в остальном городе». «Опасаясь сюрпризов, капитан приказал половине канониров не отлучаться от парка, а остальным тот час же возвращаться, если услышат выстрел»^{xlv}.

По всей видимости, майор Булар расположил свои 16 орудий также в Москве - «в западной части города», «на площади возле моста через р. Москву»^{xlvi} (думаем, у Дорогомиловского моста). Полагаем, что в город были введены и какие-то другие подразделения гвардейской артиллерии.

Таким образом, к вечеру 14 сентября войск, которые были введены в Москву, было явно недостаточно для того, чтобы обеспечить в городе должный порядок, предотвратить грабежи, пожары, а также нейтрализовать оставших русских солдат и иной враждебный французам элемент. «Разумеется, — отмечал А. Домерг, режиссер французской труппы, находившийся в Нижнем Новгороде, но хорошо осведомленный о том, что делалось в Москве, — энергическая деятельность французских войск в соединении с усилиями оставшихся благонамеренных граждан была бы достаточна для того, чтобы остановить распространение бедствия. Но, как мы уже видели, главная часть войск стояла биваком у разных застав. Что же могли сделать несколько сот солдат, рассеянных в громадном городе?..»^{xlvii} В то же время ввод в Москву части артиллерии (особенно много артиллерии будет введено 15 сентября) в условиях возникновения сильного пожара создал для французов в дальнейшем значительные проблемы.

Пожары в Москве начались уже вечером 14 сентября (вечером 14-го и в ночь на 15 сентября их наблюдали многие очевидцы из Великой армии, находившиеся вокруг Москвы^{xlviii}). Одни очевидцы считали, что 14-го пожары начались в южной и юго-восточной части Москвы (лейтенант К. Ведель из 9-го шеволежерского полка), а утром 15-го - в центре города (сублейтенант Ч. Ложье и капитан Э. Лабом из штаба 4-го армейского корпуса). Рос (находившийся у Рогожской заставы) ночью наблюдал, как он предполагал, в центре города взрыв огромной силы. «Из возникшего сразу огромного пламени большими и малыми дугами стали взвиваться кверху огненные шары, словно разом выпустили массу бомб и гранат, и на далекое пространство рассеивая со страшным треском их губительный

огонь. Этот взрыв, далеко распространивший страх и ужас, длился минуты три - четыре и казался нам сигналом к началу столь рокового для нас пожара Москвы». Через несколько минут пламя поднялось «во многих местах города; мы увидели скоро восемнадцать таких мест, и их число быстро возрастало»^{xliv}. По нашему мнению, этот «взрыв огромной силы», или «огненный шар» (так напишет аббат Сюрюг), был результатом подрыва порохового склада возле Симонова монастыря^l.

Недалеко от Кремля, в одном из частных домов, готовя квартиру для своего начальника Нарбонна, заночевал капитан Кастелян. «Я был поднят пожаром, который запылал тем же вечером в квартале, где находилась лавка», — констатировал он в своем дневнике (дневник велся предельно аккуратно и постоянно носился в кармане). «Русское правительство отрядило солдат полиции для исполнения этой операции», — записал он в следующей строке^{li}.

Капитану Пион де Лошу пришлось прервать прекрасный обед, который он, благодаря гостеприимству одного московского француза, запивал бордосским вином. Неожиданно ворвавшийся хозяин закричал: "А! Господа, какое несчастье! Биржа горит!". — "Что такое биржа?" — спросил капитан. - "Здание более обширное, чем Пале-Рояль, полное ювелирных предметов, бижутерии и самых ценных изделий мира". Пион де Лош выбежал из дома и увидел горизонт в огне. До его слуха донеслись слова, сказанные одним из его лейтенантов: "Мы пропали, русские решили сжечь Москву. Надо спасать парк"^{lii}.

Но, пожалуй, наиболее точные сведения представил нам аббат Сюрюг в своей своеобразной «исторической записке». Сюрюг, будучи в центре событий, человек пытливого и острого ума, прекрасно информированный, отметил следующее: «В тот же день, когда прошла эвакуация русских из Москвы, огненный шар, который засветился в районе Яузы, был предупреждением жителям; дом стал жертвой пламени, в то время как с другой стороны, у Петровского моста, большой дом с водкой, принадлежавший казне (Винный двор), оказался в огне и обрел [на уничтожение] часть этого склада, но пощадив остальное. Но в тот же день, около 11 часов вечера огонь показался в большой ярости в лавках, расположенных у Биржи; эти магазины содержали масло, жир и другие легко воспламеняющиеся материалы, превратившиеся в неугасимый очаг. Когда потребовались городские насосы, они не нашлись; распространился слух, что полиция вывезла их, как и все инструменты, необходимые для тушения пожаров; пока с огнем боролись в одной стороне, он вспыхивал с другой с еще большей силой»^{liii}.

Сильный взрыв порохового склада в районе Калужской заставы (что можно было принять и за огненный шар) видел между 6 и 7 часами вечера генерал Дедем, который, как и Дюфур, расположился в каком-то доме недалеко от Покровской заставы. Этот взрыв Дедем посчитал условным сигналом, «так как сразу после этого» он «увидел многочисленные дымы, и в течение чуть более получаса огонь показался в разных кварталах города, в частности, во Владимирском предместье...»^{liv}.

В ночь с 14-го на 15-е Вьонне де Марингоне и Бургонь оказались в самом центре событий. «Час спустя после нашего прибытия, — вспоминал Бургонь, имея в виду, вероятно, прибытие к дворцу Ростопчина, и определяя время, примерно шестью часами вечера, — начался пожар: с правой стороны показался густой дым, и тотчас же взвились языки пламени, но никто не знал, откуда это происходит. Нам сообщили, что огонь начался на базаре (bazar), квартале купцов...»^{lv} «В семь часов, — продолжал Бургонь далее, — огонь показался за дворцом губернатора: тотчас же полковник пришел на пост (размещенный в доме Ростопчина - В. 3.) и приказал выслать патруль в 15 человек, в котором был и я...» Вскоре после того как патруль прошел 300 шагов по направлению к пожару, Бургонь и его товарищи были обстреляны и вступили в схватку со стрелявшими, по мнению мемуариста, каторжниками, одетыми в овчинные тулупы. Затем пришлось долго блуждать по горевшим московским улицам и драться с многочисленными людьми «с длинными бородами и зловещими лицами», которые поджигали дома^{lvi}. Во время скитаний той ночью патруль фузелеров-гренадеров наткнулся на «многочисленных егерей гвардии», которые сообщили, что русские сами поджигают город^{lvii}. Бургонь и его друзья возвратились на «губернаторскую площадь» только в 2 часа ночи. К тому времени солдаты Молодой гвардии начали грабить окружающие дома уже открыто: начавшиеся пожары дали своего рода «карт-бланш». «Бросив взгляд на площадь, где расположился полк, мне

показалось, что там было собрание людей со всего мира, так как наши солдаты были одеты калмыками, китайцами, казаками, татарами, персами, турками, а остальная часть оделась в богатые меха. Были также те, кто оделся в придворные мундиры во французском вкусе, имея на боку шпаги, чьи стальные эфесы сверкали подобно алмазам. Кроме того, вся площадь была покрыта какими только можно пожелать лакомствами, винами и ликерами в большом количестве; было немного свежего мяса, много окороков и крупной рыбы, немного муки, но хлеба не было»^{lviii}.

И все же в ту ночь солдаты Роге еще были полны надежд побороть огонь. Вьонне де Марингоне, который, напомним, разместился возле «губернаторской площади», приказал солдатам своего батальона всю ночь патрулировать улицы вокруг во всех направлениях. Сам же начал неустанно проверять посты. Прибыв на пост, который был расположен у Биржи, Вьонне де Марингоне увидел густой дым и немного огня; начальник поста сообщил ему, что он видит дым уже не в первый раз, но не думает, что это происходит из-за того, что какие-то французские солдаты проникли во внутрь здания, так как все двери крепко заперты. В то время как окружавшие Вьонне де Марингоне солдаты стали высказывать мнения о происхождении дыма, огонь стал еще сильнее. Вьонне де Марингоне быстро побежал на площадь, поднял батальон в ружье и привел с собой к Бирже сотню человек. К тому времени, когда он возвратился к Бирже, все здание уже было объято огнем. Солдаты стали ломиться в двери, пытаясь их как-нибудь открыть, но все было бесполезно. Запоры были крепкими, а у солдат не было нужного для вскрытия таких ворот инструмента. Вьонне де Марингоне немедленно лично известил герцога Тревизского (Мортье) о происшедшем. Мортье же распорядился искать пожарные насосы и принять меры к тому, чтобы предотвратить распространение пожара. Даже при отсутствии помп это можно было сделать, так как погода стояла безветренная, и огонь не мог быстро перекинуться на другие здания. Тогда Вьонне де Марингоне решился передать маршалу разговор, который у него состоялся накануне с помощником аптекаря в том самом доме, где расположился Мортье. Молодой человек сказал тогда, «что во всем городе нет помп и что правительство увезло их с собой». Молодой человек сообщил также, что говорят, будто пожар начался по приказу, а поджигали люди выпущенные из тюрем. Вьонне де Марингоне сообщил эти обстоятельства маршалу и, не имея возможности найти помпы, занялся локализацией пожара. Место пожара посетил сам маршал, «но он не смог убедиться, что огонь начат русскими». Когда маршал удалился, Вьонне де Марингоне попытался вновь выяснить, не проник ли кто-либо из солдат во внутрь здания, и убедился, что их там не было. Наконец, после четырех часов огромных усилий удалось разобрать небольшое здание, примыкавшее к Бирже и локализовать огонь. Теперь оставалось только ждать, пока несколько строений Биржи догорят совсем. Смертельно уставшим Вьонне де Марингоне возвратился на «губернаторскую площадь». Через полтора часа ему вновь сообщили, что огонь появился в другом месте Биржи и в доме, расположенном недалеко от нее, и что этот дом с подветренной стороны. После новых гигантских усилий, в которых солдатам помогали местные жители, был потушен и этот пожар. Вьонне де Марингоне и его люди чувствовали себя смертельно уставшими, думая только об отдыхе. Но увы! Начался «еще более ужасный спектакль: огонь одновременно появился в шести различных местах города!»^{lix}

В 11 часов вечера 14 сентября императору сообщили о пожаре в торговых рядах. В течение ночи ставка была проинформирована еще о двух «небольших» пожарах «в предместьях, далеких от того, где оставался император; их приписали неосторожности солдат на некоторых биваках...»^{lx}. Дюронель и Мортье всю ночь провели в седле, пытаясь навести порядок в необъятном, ночном, не известном им городе, наполненном отставшими русскими солдатами, переодетыми полицейскими и массаами странных личностей, которых французские солдаты, часто не без оснований, принимали за каторжников. В распоряжении Мортье и Дюронеля было 8 ослабленных батальонов пехоты и горстка жандармов! В ставке категорически отказывались верить в то (собственно говоря, Мортье и, возможно, Дюронель в этом тоже уверились не сразу), что пожары были преднамеренно организованы самими русскими.

После бессонной ночи (что происходило не только из-за тревожных известий из Москвы, но и из-за русских клопов и отвратительного запаха, стоявшего на постоялом дворе) утром 15-го Наполеон приказал переезжать в Кремль^{lxi}. Тем утром к императору

(полагаем, что еще находившемуся у Дорогомиловской заставы) явился Дюронель и доложил о ситуации в городе. Так как он располагал только ничтожными средствами для поддержания порядка в Москве, Дюронель предложил передать управление городом маршалу Мортье. Император с этим согласился^{lxii}. Вероятно, вслед за этим Наполеон приказал маршалу Ж.Б. Вессьеру, командовавшему гвардейской кавалерией, занять различные части города двадцатью патрулями драгун. Их задачей было собрать всех русских пленных, взятых в Москве и доставить к маршалу Л.Н. Даву, находившемуся с основной частью 1-го армейского корпуса вне города. В то же время десять патрулей конных гренадер должны были исполнить ту же роль в самом Кремле - «навести порядок и собрать заключенных»^{lxiii}. Император был чрезвычайно обеспокоен отсутствием достоверных сведений о нахождении неприятельских войск. Поэтому Наполеон отдал приказ Мюрату выдвинуть легкую кавалерию 5-го армейского корпуса Понятовского на Коломенскую дорогу, а Богарне разместить свою главную квартиру у Санкт-Петербургской (Тверской) заставы и выдвинуть сильные посты по Петербургской дороге по направлению к врагу^{lxiv}.

Поэтому 15 сентября 13-я и 15-я пехотные дивизии расположились «у шато Петровское» (если точнее, то возле Петровского дворца расположилась 15-я дивизия, тогда как 13-я квартировала у с. Алексеевского), 14-я дивизия - «в деревне, расположенной между Москвой и этим шато» (точнее - в Бутырьках); легкая баварская кавалерийская дивизия Орнано - «в лье впереди этой дивизии» (в селах Всехсвятском и Останкине); 12-я и 13-я бригады легкой кавалерии остановились там же; Итальянская королевская гвардия - в районе, примыкавшем к Тверской улице^{lxv}. 3-й армейский корпус разместился на восточной окраине города. Корпус Даву (1, 3, 4 и 5-я дивизии) остался на западных окраинах. 2-я дивизия этого корпуса была также за городом, но у Покровской заставы, находясь в авангарде Мюрата. 1-й и 3-й кавалерийские корпуса 14 сентября вышли от Дорогомиловской заставы на северную окраину города и расположились так: 1-й - на Тверской дороге возле Петровского дворца, 3-й - на дороге в Дмитров. 2-й и 4-й кавалерийские корпуса встали на Владимирской дороге.

Дивизия Делаборда, несмотря на отсутствие должного количества войск не только у Дюронеля, но и у Мортье, необходимого для контроля за городом, оставалась весь день 15-го в пригородах Москвы!^{lxvi}

Утром 15 сентября император, как полагаем, еще не представлявший размеров грозящей ему катастрофы, на коне по имени Эмир, отправился в Кремль. До сих пор разброс свидетельств современников о том, в какое время это произошло, поражает и озадачивает. Совсем ранним утром - так утверждают Гурго и камердинер императора Констан, в 8 часов утра — Деннье, в 9 часов поутру - «аптекарь с Арбата», в половине одиннадцатого - русский чиновник Ф.И. Корбелецкий, бывший проводником у французов, в полдень - Коленкур в «Мемуарах», в 2 часа дня - «московский француз» Ф.Ж. д'Изарн^{lxvii}. Столь удивительная разноголосица объясняется разными обстоятельствами: во-первых, тем, что, возможно, не все свидетели были очевидцами и участниками этого события - вступления Наполеона в Москву и в Кремль; во-вторых, возможно, что Наполеон не сразу, сев на коня, двинулся в Кремль; в-третьих, вскоре после въезда в Кремль Наполеон начал объезд соседних с ним объектов - Воспитательного дома, мостов и т.д. - так что 15 сентября император въезжал в Кремль не менее двух раз; в-четвертых, после всех волнений, связанных с покорением русской столицы, начавшихся пожаров и бессонной ночи, да еще вспоминая об этих событиях много лет спустя, легко было спутать час утра или дня. Коленкур, которому в таких случаях историки обычно отдают предпочтение, мог тем утром сбиться в своих записях, которые обычно вел достаточно аккуратно.

Сразу вслед за небольшим авангардом (вероятно, из числа гвардейской кавалерии) и императорским кортежем двинулась к Кремлю пехота Старой гвардии. Эта процессия шла вначале по Арбатской улице, а затем свернула на Знаменку и вступила в Кремль через Боровицкие ворота. «На следующий день, утром, — сделал вскоре после описываемых событий запись в своем дневнике Фантендез Одар, участник этой процессии, — Император двинулся в оставленный город, все дома которого были заперты. После того как он проехал улицы, на которых не было видно никакого движения в ответ на нашу гремевшую музыку, он вступил в Кремль... Мы были в намного менее веселом настроении, чем ранее, и горевали по поводу того, что все население, среди которого мы рассчитывали вести

сладкую жизнь, исчезло; через несколько часов обнаружился и другой предмет разочарования, когда к нам стали приходить отдельные погорельцы. Хотя после Смоленска мы двигались не иначе как по пеплу пожарищ, никто между нами не предполагал, что Москва, *Святая Москва*, будет предана огню как последняя деревня; но у нас было ошибочное мнение в отношении цивилизации русских. При первых известиях о пожарах Император, который, вероятно, разделял нашу беззаботность, был убежден в том, что они произошли по вине наших мародеров и, впад в гнев, отдал соответствующие приказы»^{lxxviii}.

Прибыв в Кремль, 4-я рота Фантен дез Одара (1-го батальона 2-го полка пеших гренадеров) расположилась охранять «одни из ворот»^{lxxix}. В литературе обычно отмечается, что Наполеон приказал оставить незабаррикадированными либо одни ворота - Никольские, либо двое ворот - Никольские и Троицкие^{lxxx}. Наконец, отмечает Корбелецкий, были открыты еще и Тайницкие ворота^{lxxxi}. В любом случае приказ саперам гвардии «забаррикадировать» «четверо других ворот» был отдан только 18 сентября, когда император возвратился из Петровского. При этом из приказа остается неясным, сколько ворот оставили открытыми - двое или трое^{lxxxii}. В любом случае, до 18 сентября проездными оставались 5 ворот! - Никольские, Троицкие, Тайницкие, Спасские и Боровицкие. Несмотря на караулы и то, что там расположилась резиденция императора, в Кремль в течение нескольких дней мог проходить кто угодно, только бы он был в мундире Великой армии! Так, в ночь с 15-го на 16-е в Кремль свободно прошел Бургонь и двое его товарищей-сержантов из полка фузелеров-гренадеров, хотя этот полк квартировал в другом месте^{lxxxiii}. Вечером 15-го идея посетить Кремль пришла в голову и капитану Б.Т. Дюверже, казначею из 1-го армейского корпуса. Он увидел, что Кремль охраняют гвардейские пешие гренадеры и егеря, но никто его даже не окликнул! Дюверже несколько часов беспрепятственно лазил по башням, любясь панорамой Москвы^{lxxxiv}. Как именно охраняли московскую цитадель в те дни славные гвардейцы, повествует Майи-Нель, сублейтенант, ординарец Дюронеля: «На каждом шагу в Кремле, в этом дворце-крепости, стояли гренадеры гвардии на часах; они были выряжены в шубы московитов, перевязаны шальями из кашемира. Рядом с ними были хрустальные вазы, в четыре фута высотой, наполненные конфитюром из самых изысканных фруктов, и из них торчали большие деревянные ложки; вокруг этих ваз была груда бесчисленных флаконов и бутылок, которым отбивали горлышки...; некоторые из этих солдат имели московитские шапки, нахлобученные вместо своих; все они были более или менее пьяны, были без оружия и, по-видимому, использовали вместо оружия свои ложки». Правда, гренадеры задержали Майи-Неля и отвели его к «так называемому караульному офицеру, которого изображал старый солдат». Последний заставил сублейтенанта выпить две бутылки «прекрасного бордо» «по приказу китайского императора» и заесть его вареньем^{lxxxv}.

К сожалению, книга приказов 2-й роты 2-го батальона 2-го полка пеших гвардейских гренадеров не содержит материалов, позволяющих пролить дополнительный свет на то, что творилось в Кремле с 15 по 18 сентября (в эти дни записи вообще не делались!). Поэтому только на основе косвенных данных можем предполагать, что примерно с полудня 15-го в зданиях Кремля стали размещаться следующие части: вся (или почти вся^{lxxxvi}) 3-я пехотная гвардейская дивизия - 10 батальонов пехоты (примерно 6 тыс. человек); эскорт Главной квартиры (1-й батальон Баденского линейного пехотного полка, элитные жандармы, небольшие подразделения 28-го конно-егерского и саксонского шеволежерского полка «принца Альбрехта»); гвардейские саперы и моряки. Сложнее решить вопрос о местонахождении частей и подразделений гвардейской кавалерии. Полагаем, что трудности снабжения фуражом не могли позволить разместить в Кремле и около него большую часть гвардейской кавалерии. Основные подразделения гвардейских конных егерей, драгун и конных гренадер стояли лагерем, по всей видимости, в пригородах^{lxxxvii}. Дивизия Кольбера (1-й и 2-й гвардейские уланские полки) определенно была в те дни в с. Фоминском. Однако следует помнить, что для эскорта императора и патрулирования Кремля и близлежащих улиц выделялись дежурные эскадроны от всех гвардейских кавалерийских полков (а немногочисленные элитные жандармы, вероятно, все располагались в Кремле или рядом с ним). Многообразные свидетельства говорят о том, что 15 и 16 сентября офицеров и солдат практически всех частей гвардейской кавалерии можно было встретить на улицах и в домах Москвы. Так, 15 или 16 сентября в доме князя

Голицына на Басманной, где жила актриса Л. Фюзиль, поселились два капитана гвардейских жандармов^{lxxxviii}. В ночь с 15 на 16 сентября Бургонь встретил неподалеку от Кремля гвардейских уланов, грабивших подвалы домов^{lxxxix}. Командир эскадрона Р. Солтык, адъютант генерала М. Сокольникового, 15 сентября в доме графини Музиной-Пушкиной дрался с гренадерами Старой гвардии^{lxxx}.

Еще более сложно составить ясное представление о местах размещения гвардейской артиллерии. Хорошо известно, что в самом Кремле 15 и 16 сентября площади были заставлены множеством орудий и повозок подвижного артиллерийского склада (определить количество боеприпасов, ввезенных французами в Кремль, практически невозможно; очевидно только, что оно было очень значительным). Вместе с тем известно, что скажем, батарея Пион де Лоша находилась достаточно далеко от Кремля. 15 сентября капитан разместил своих канониров, как он считал, в большом дворце князя Барятинского^{lxxxix}. Артиллеристы Булара стояли в западной части города, где-то «на площади возле моста через Москва-реку»^{lxxxii}.

Русские оставили в Кремле огромное количество оружия и боеприпасов. В источниках и литературе указываются весьма разные цифры: 40 тыс. английских, австрийских и русских ружей, сотня орудий и «громадное количество пороха и селитры» (Фэн, Ж. Тири); 80 тыс. кг пороху (Ланглуа), 100 тыс. фунтов пороху (Оливье) и т.д.

Если СВ. Шведову и удалось достаточно убедительно обосновать мнение о том, что в Московском арсенале осталось 66418 единиц учтенного и не менее 7,5 тыс. единиц неучтенного оружия^{lxxxiii}, то в отношении запасов взрывчатых веществ картина остается совершенно неясной. В любом случае, в Кремле скопилось чрезмерно большое количество артиллерии и боеприпасов. Все пространство было загромождено зарядными ящиками, фурами, лошадьми... Фуры с боевыми зарядами, как отмечали Гурго и Сегюр (хотя бы в этом они были абсолютно согласны друг с другом), стояли прямо напротив окон дворца, в котором разместился Наполеон. Судя по приказам, которые будут отданы гвардии позже, костры для варки пищи разводили беспорядочно, нужду солдаты отправляли «во всех углах» и «даже под окнами императора». На территории Кремля валялось немало число «издохших лошадей и несколько палых коров» (Корбелецкий). Наконец, совершенно свободно в стенах Кремля и в районе земляных валов, оставшихся от петровских укреплений XVIII в., расположились кантиньеры гвардии со всем своим скарбом (о том, как в домах, расположенных у стен Кремля и занятых маркитантками гвардии, к утру 16 сентября вспыхнул пожар, упоминает Бургонь).

Для размещения больных гвардии был определен Шереметевский госпиталь (ныне Сухаревская пл., 3) - «прекрасное строение с колоннами, скорее похожее на дворец», как заметил Д. де ла Флиз, хирург 2-го полка гвардейских пеших гренадеров^{lxxxiv}.

Те подразделения Молодой гвардии из дивизии Роге, которые временно находились в Кремле с 14 сентября, по-видимому, все были из него выведены. В то же время полк фузелеров-гренадеров, занимавший «губернаторскую площадь», в 9 утра был переведен поближе к Кремлю, оставив на площади только караул в 15 человек^{lxxxv}. Дивизия Делаборда весь день продолжала оставаться на прежнем месте у Дорогомиловской заставы^{lxxxvi}, а Легион Вислы - у Покровской^{lxxxvii}.

Еще с вечера 14 сентября, когда в Кремле хозяйничали «временные постояльцы» — солдаты дивизии Роге и, видимо, рота вольтижеров из 33-го линейного, — начался погром. «Круглый в сенатском здании двор, - описывает очевидец А. Бестужев-Рюмин, — занят неприятельскими солдатами, и видно было из окон департамента, что несколько человек бегало с огнем по комнатам, в которых присутствовали сенаторы, выкидывали столы и стулья на двор для биваков своих»^{lxxxviii}. Эта картина уточняется другими очевидцами применительно к погрому здания вотчинного департамента, начавшемуся позже: французские гвардейцы «для удобства своего помещения стали хозяйничать по-своему, из архивных книг и вязок устраивали постели, столы и стулья, другие, как ненужные, повыкидывали из окон, а иные употребляли на топливо для приготовления пищи»^{lxxxix}.

Уже 14 сентября началось разграбление московских соборов и церквей. Мемуаристы Великой армии по вполне понятным причинам оставили не очень много свидетельств того, как это происходило^{xc}. Среди солдат французской гвардии об этих событиях написали только Ж.Р. Куанье, сублейтенант из Малой квартиры императора, и Бургонь. Так, Куанье

вскользь упоминает, что 14 сентября он, по крайней мере, дважды посетил «захоронения царей». «Когда я проходил площадь Кремля, — продолжал Куанье далее, — я увидел солдат, несущих меховые шубы и медвежьи шкуры...»^{xcv} А Бургонь пишет со слов своих приятелей, что в Архангельский собор «забрались солдаты гвардии 1-го егерского полка..., думая найти там несметные сокровища...»^{xcvi}. Вообще, уже 14, а тем более 15 сентября, императорская гвардия всю занималась грабежом, благо что «конкурентов» из армейских частей в те дни было не так много^{xcvii}. Даже солдаты Легиона Вислы, стоявшие за городом, когда в 8 утра 15-го узнали о том, что в Москве начался грабеж, один за другим начали убегать в город за добычей. «В этом до сих пор так прекрасно дисциплинированном войске беспорядок дошел до того, что даже патрули украдкой покидали свои посты»^{xcviii}.

Что же Наполеон? Въехав через Боровицкие ворота в Кремль, он, по-видимому, удалился в свои апартаменты, устроенные в императорском дворце, который был построен в середине XVIII в. В.В. Растрелли. В 3 часа дня он вновь «сел на лошадь и начал объезд Кремля»^{xcix}. «Он рассматривал его, — вспоминал Сегюр, — во всех подробностях, с чувством удовлетворенной гордости и любопытства»^{xc}. Затем он посетил Воспитательный дом, «два важнейших моста и возвратился в Кремль»^{xcvi}. Во время объезда Наполеоном Кремля и близлежащих районов пожаров фактически не было видно. Из своих окон Наполеон мог наблюдать слабые дымы в Замоскворечье, но не придавал этому большого значения. Позже Наполеон вспоминал, что в те часы он говорил своему окружению примерно следующее: «Мы посмотрим, что эти русские собираются делать; если они откажутся от того, чтобы и далее отступать, нам следует придерживаться уже принятого решения. Квартиры нам обеспечены. Мы покажем миру удивительный спектакль мирно зимующей армии среди вражеских народов, окруживших ее со всех сторон. Французская армия в Москве - это корабль, находящийся среди льдов. Но с возвращением хорошего времени года мы возобновим войну. Впрочем, Александр не допустит, чтобы мы должны были это делать; мы понимаем друг друга и он подпишет мир»^{xcvii}.

Однако в те несколько часов, которые прошли между водворением Наполеона в Кремлевском дворце и удалении императора в свои покои для подготовки ко сну (это произошло, видимо, где-то в начале десятого) были представлены очень противоречивые сведения. Наполеон, среди прочего, был проинформирован и о постройке неким Шмидтом зажигательного воздушного шара и о подготовке им различных горючих материалов для организации пожаров. Некая «старая французская актриса», которую специально доставили в Кремль, поведала о недовольстве среди русского дворянства тем, как Александр ведет войну, и что «русские вельможи хотят мира во что бы то ни стало и принудят к этому императора Александра...»^{xcviii}.

Примерно в половине десятого 15 сентября во многих районах Москвы начались сильные пожары и в 11 вечера гвардия в Кремле была поднята в ружье^c. Ночь с 15 на 16 сентября запомнилась многим гвардейцам Наполеона. «Едва наступившая ночь покрыла горизонт, на котором вырисовывались дворцы, — вспоминал ту ночь Бургоэн, все еще находившийся вместе с дивизией Делаборда у Дорогомиловской заставы, — мы увидели зловещий свет двух пожаров, затем пяти, затем 20, затем тысячу всполохов пламени, перебрасывающихся от одного к другому. В течение двух часов весь горизонт стал не чем иным, как сжимающимся кольцом. Мы тотчас же были подавлены значением этого языка пламени (*langage de feu*), на котором к нам обращались русские в миг нашего вступления в эту столицу. Это было продолжением того, что мы видели в Смоленске, в Вязме, в Можайске, в каждом местечке, в каждой деревне, которые мы должны были пройти. Русские получили приказ сжигать все, чтобы мы голодали; они следовали этому предписанию с их обычным невозмутимым постоянством. Мы укладывались спать, весьма опечаленные, при свете этого пылавшего костра, который с каждой минутой все увеличивался»^{ci}.

Фантен дез Одар находился той ночью в карауле у одних из кремлевских ворот (как мы предполагаем, скорее всего у Троицких). Среди ночи какой-то человек, подошедший снаружи стены, «говоривший довольно хорошо по-французски, но с немецким акцентом», обратился к Фантен дез Одари с просьбой помочь потушить огонь, который подбирался «к обширному зданию, расположенному недалеко от Кремля», и в котором, по его словам,

находилась «драгоценная коллекция медалей и антиков». Фантен дез Одар во главе двадцати гренадер бросился к этому дому, надеясь остановить огонь. Но было поздно! «Огонь добрался до лестницы, по которой попал в залы научных сокровищ, и не было возможности подойти». Фантен дез Одар возвратился на свой пост, «действительно огорченный этим несчастьем». Что же касается ученого, просившего о помощи, то гренадеры оставили «его внизу лестницы, объятый пламенем, и в таком отчаянии, что возможно он не смог пережить свои драгоценные медали»^{cii}.

Продолжал бороться с огнем в ту ужасную ночь и Вьонне де Марингоне. Когда пожар затухал в одном месте, он вспыхивал в другом. «Огонь одновременно вспыхнул в шести разных местах города», — вспоминал офицер. К утру «начался сильный ветер и огонь стал распространяться на очень большие дистанции»^{ciii}. «В полночь огонь опять вспыхнул недалеко от Кремля; удалось ограничить его распространение. Но 16-го, в 3 часа утра, он возобновился с большей силой, и уже не прекращался», — вторит Вьонне де Марингоне сержант Бургонь, находившийся в тех же кварталах^{civ}. Но если шеф батальона не мог покинуть своего поста, то солдаты его полка, пользуясь суматохой, пытались проводить время с большим удовольствием. «В эту ночь, с 15-го на 16-е, — пишет Бургонь, — мне, а также двум моим друзьям, унтер-офицерам, пришла охота посмотреть город и посетить Кремль, о котором много слышали». Проблуждав по горящим улицам, сержанты только к рассвету прибыли, как можно понять, к Китай-городу, а затем вошли в Кремль. Там они встретили друзей из 1-го полка пеших егерей, назначенных пикетом, которые, однако, здесь же пригласили гренадеров-фузелеров отобедать^{cv}.

С меньшей приятностью встретил утро 16 сентября Пион де Лош. Ночью он тщетно пытался вывести свои орудия подальше от огня, но, проблуждав полчаса по московским улицам, отказался от этой затеи и решил вначале дожидаться рассвета. В 6 утра 16 сентября Пион де Лошу все же удалось вывести свои орудия подальше от огня по дороге к Петровскому дворцу^{cvi}.

К утру все солдаты Великой армии, которые были в Москве, уже не сомневались в том, что поджоги происходят усилиями многочисленных русских «поджигателей», которыми руководят полицейские по заданию Ростопчина. Многие «поджигатели», мнимые и реальные, уже были арестованы или убиты разъяренными солдатами наполеоновской армии^{cvii}. В пятом часу утра император был разбужен и ему было доложено о пожаре, который быстро распространялся по всему городу^{cviii}. Возможно, что теперь, когда французы наконец-то осознали источник угрозы и готовы были принять решительные меры для прекращения пожара, катастрофу можно было бы предотвратить. Однако в «игру» уже вступил новый участник - сильнейший ветер. «Если бы погода была спокойной, — несколько наивно, но, в сущности, верно отмечает Лабом, — все бы ограничилось сожжением биржи; но вчера, с рассветом (16 сентября), к нашему испугу, мы увидели, что огонь был с четырех сторон города, и ветер, дохнувший с силой, понес со всех сторон горящие головни»^{cix}. Внимательный и точный наблюдатель, аббат Сюрюг также был убежден, что сильный северо-западный ветер 15-го числа «ускорил в значительной степени распространение огня». «16-го, около 4 часов вечера, он резко сменился и подул с юго-запада с ураганной силой. Огонь... был подкреплен ветром и стал разгораться с такой силой, что представлял собой необъятный вулкан, чей кратер окаймлен разрывами огня и пепла»^{cx}. «Утром 16-го Кремль стал представлять собою остров в центре огненного моря. - записал 21 сентября Фантендез Одар. - Стремительный ветер, спровоцированный жестокостью пожара, стал реагировать сам собою и в сто крат усилился. Из глубин пламени поднимался зловещий шум и, подобно волнам океана в сильную бурю, прокатывались от одного к другому раскаты непрерывного грома. Это было извержение Везувия, соединенное с ничем не сравнимым величием ужасного спектакля»^{cxii}.

Между тем - странная вещь - будучи разбуженным в начале пятого и приказав послать офицеров, чтобы выяснить, что происходит, Наполеон снова заснул. Причина заключалась в том, что его наконец-то отпустила дизурия. Когда около 7 утра к нему пришел врач Э.О. Метивьер, император все еще был в постели. Тогда-то со слов Метивьера Наполеон и узнал, что огонь уже обступает Кремль. Ответ зарева, который нельзя было не увидеть в окнах дворца, подтверждал это^{cxiii}.

Впрочем, обстоятельства того, как Наполеон встретил утро 16 сентября, ясны недостаточно. Единственное неопровержимое свидетельство - письмо Наполеона Марии-Луизе, помеченное 16 сентября и написанное, без сомнения, утром того дня, не может не удивить: «Город (Москва - В.З.) так же велик, как Париж. В нем 1600 колоколен и более тысячи прекрасных дворцов, город весь украшен. Дворянство уехало; народ остался. Мое здоровье хорошее, мой насморк закончился. Враг отступает, как говорят, на Казань. Прекрасное завоевание - результат сражения при Москве-реке»^{cxiii}. Поразительно! Но даже утром 16-го Наполеон, видимо, не сразу осознал все последствия разыгравшейся московской трагедии. Согласно Сегюру, 2-2,5 часа после пробуждения Наполеон мог только в полной растерянности взволнованно ходить по комнатам и, бросаясь от окна к окну, восклицать: «Какое ужасное зрелище! Это они сами! Сколько дворцов! Какое необыкновенное решение! Что за люди! Это скифы («*Quel effroyable spectacle! Ce sont eux-meme! Tant de palais! Quelle resolution extraordinaire! Quels hommes! Ce sont des Scyth*»)). И только крик «Кремль горит!» заставил императора выйти из дворца и посмотреть, насколько велика опасность^{cxiv}.

Итак, около половины десятого^{cxv} Наполеон вышел из Кремлевского дворца, желая лично оценить размеры пожара и той опасности, которая угрожала Кремлю. Можно предположить, вслед за Сегюром, что к этому времени пожар действительно был готов переброситься уже на здания Кремля.

Все утро солдаты и офицеры Старой гвардии, занимавшие Кремль, наблюдали за всем происходившим вокруг со все возрастающей тревогой. Но если офицеры (как Фантен дез Одар) судорожно размышляли о необходимости принятия каких-то (но не ясно каких) спешных мер и о последствиях для французской армии этого пожара, то многие сержанты и рядовые проявляли фаталистическое спокойствие. Бургонь вспоминал, что все утро гвардейцы из 1-го егерского полка щедро угощали его самого и его товарищей хорошим мясом и великолепными винами. Они сидели, прислонившись спинами к огромным пушкам, находившимся по обе стороны ворот арсенала, выходящего фасадом на дворец^{cxvi}. Ближе к полудню ситуация резко ухудшилась. Раздался крик «К оружию!» — и обед был прерван^{cxvii}.

Солдатам Старой гвардии пришлось в те часы тушить Арсенальную башню, перекрытия здания Арсенала, конюшенный корпус и даже Кремлевский дворец. Чрезвычайно важно было предотвратить пожар или потушить его в тех домах, которые примыкали к Кремлю. Судя по всему, к полудню 16 сентября французы решили сосредоточить все имеющиеся силы, чтобы отстоять хотя бы Кремль и прилегающие к нему строения. Вьонне де Марингоне, безуспешно тушивший вот уже много часов здание Биржи, получил приказ присоединиться к полку фузелеров гренадеров, основная часть которого находилась возле Кремля^{cxviii}. Так как французы хорошо осознавали всю важность сохранения путей возможного спасения, гвардейцам пришлось большие усилия сосредоточить на спасении Всехсвятского моста и прилегавших к нему с северной стороны Москвы-реки улиц. Воздух был раскален. «Более минуты нельзя было оставаться на одном месте, — писал Коленкур, — меховые шапки гренадеров тлели на их головах»^{cxix}. Ситуация складывалась критической. Время от времени горящие головни перелетали через кремлевские стены и падали возле или даже на сами зарядные ящики гвардейских орудий^{cxx}. Несмотря на то что многие из окружения умоляли Наполеона покинуть Кремль ввиду грозящей опасности (среди умолявших определенно были Богарне, Бертье, Бессьер, маршал Ф.Ж. Лефевр и Мортье), император медлил. Майор Булар, который с трудом добрался в те часы до Кремля в попытках найти генерала Кюриала, командира 3-й гвардейской пехотной дивизии, и получить от него приказ (орудия Булара продолжали стоять недалеко от Дорогомиловского моста), увидел, что «все были угнетены, в состоянии оцепенения. Страх и тревога были написаны на всех лицах»^{cxxi}. И все же главная причина, заставившая Наполеона принять решение покинуть Кремль и переехать в Петровский замок, была в другом. Коль скоро император все же убедился, что пожар был организован московскими властями и русским командованием, он пришел к выводу, «что эта катастрофа могла быть частью комбинации, связанной с какими-либо маневрами неприятеля, хотя частые донесения Неаполитанского короля и утверждали, что неприятель продолжает свое отступление по Казанской дороге...»^{cxxii}. Последним аргументом в пользу

выхода из Кремля, вероятно, стали слова Бертье о том, что «если враг атакует корпуса вне Москвы», у Наполеона не будет возможности снестись с ними^{сxxxiii}. Опасения Наполеона, как в отношении ухода русской армии отнюдь не по Казанской дороге, так и в отношении трудностей, возникших вследствие пожара в плане поддержания связи с корпусами, были более чем оправданны. На следующий день, 17 сентября, начальник штаба резервной кавалерии О.Д. Бельяр, находившийся при императоре и Бертье в Петровском, сообщил А.Ш. Гильемино, начальнику штаба 4-го армейского корпуса: «Его величество послал офицеров и подразделения для связи с королем, и до настоящего времени новостей нет. Я прошу Вас уведомить о местонахождении Вашего корпуса и сообщить мне или отыскать императора, с которым король не имел связи ни в течение ночи, ни этим утром, по причине страшного пожара, который нас вчера выгнал из города»^{сxxxiv}.

Каким образом и в котором часу покинул Наполеон Кремль? Какой дорогой он и его гвардия проследовали до Петровского дворца? Какие именно части гвардии его сопровождали? Наконец, какой дорогой и когда была выведена гвардейская артиллерия из Кремля? На часть этих вопросов сегодня можно найти убедительный ответ, на часть - пока еще нет.

Как известно, решив удалиться из Кремля в Петровское, к месту расположения 4-го армейского корпуса в районе Тверской заставы, Наполеон столкнулся с трудностями в осуществлении этого плана. Капитан К.Л.В. Мортемар де Рошшуар, ординарец императора, посланный разведать путь в этом направлении, доложил, что пожар преграждает дорогу^{сxxxv}. Однако через несколько минут прибыл другой офицер, прорвавшийся с Тверской заставы, и император приказал начать движение^{сxxxvi}. А. Шуерман, основываясь на сопоставлении различных данных, утверждал, что это произошло в час дня^{сxxxvii}. Это явно не так. Из «Мемуаров» Коленкура можно заключить, что это было где-то в 4 часа дня. Но его «Дорожный дневник» относит событие к еще более позднему времени - к половине шестого^{сxxxviii}. К тому времени, когда император решил покинуть Кремль, проходить через ворота Боровицкой башни, как и через Троицкие и Спасские ворота, стало уже чрезвычайно опасно. Поэтому было решено воспользоваться ходом под Тайницкой башней. Сегюр пишет о нем как о «подземном ходе (a travers les gochers) к Москве-реке», Констан - о «скрытой двери в стене в сторону Москвы-реки», Фантен дез Одар - о «потайном ходе (par une poterne)». Только оказавшись на набережной, Наполеон сел на Тавриза (Tauris), которого к тому времени туда уже подвели. Последующий путь Наполеон проделал верхом (что следует из воспоминаний Фантен дез Одара и «Дорожного дневника» Коленкура). Вся Старая гвардия (за исключением 1-го батальона 2-го полка пеших егерей^{сxxxix}) должна была также покинуть Кремль. Часть пешей гвардии, без сомнения, прошла за императором под Тайницкой башней. Об этом, в частности, пишет Фантен дез Одар из 2-го полка пеших гренадеров, отмечая, что солдаты «с трудом дефилировали по одному» через подземный ход^{сxxx}.

Дальнейший путь Наполеона и его гвардейцев вполне убедительно восстановил еще А.Н. Попов^{сxxxxi}. Их района Всехсвятского моста путь лежал через Лебяжий переулочек, Ленивку и Волхонку к Пречистенским воротам, затем вверх по Арбату. Здесь императора и гвардию встретил маршал Даву^{сxxxii}, который вывел кортеж к Москве-реке у Дорогомилковского моста. Затем - берегом реки до с. Хо-рошева, переправились через реку по плавучему мосту, а затем мимо Ваганьковского кладбища и полями достигли Петровского дворца^{сxxxiii}.

Фантен дез Одар оставил нам несколько строк о том достопамятном марше в Петровский дворец (запись в дневнике сделана по свежим впечатлениям 21 сентября): «Этот путь представлял большую опасность: вскоре он пошел под сводом огня, и пламя, устремившись над нами длинными вихрями, угрожало догнать нас; широко простирившееся облако пепла и дыма мгновенно лишило нас зрения. Воздух, которым мы, казалось, дышали, мог задушить нас своим жаром. Много раз неожиданное крушение здания либо могло уничтожить нас, либо делало преграду на дороге, которую мы только что прошли. К концу этого сурового пути, во время которого не один старый ус и не одна меховая шапка оказались опалены, мы достигли окрестностей Москвы и сделали остановку, чтобы перевести дух, подождать менее проворных и привести в порядок свои ряды. В трех верстах, по Петербургской дороге, мы соединились с императором, который

остановился в Петровском»^{сxxxiv}. В своем «Дорожном дневнике» Коленкур сразу по приезде в Петровское сделал об императоре запись: «Приехал в 7:30. Пошел спать»^{сxxxv}. Таким образом, согласно бумагам Коленкура, путь из Кремля занял 2 часа.

К сожалению, нам ничего не известно о том, как и когда выводилась из Кремля (и выводилась ли?) находившаяся в нем артиллерия. Возможно, что она там и осталась -рассчитывать провести десятки орудий с зарядными ящиками, да еще и подвижной артиллерийский склад, через бушевавший пожар было безумием. Самым удивительным является то, что оставшегося в Кремле одного батальона пешей гвардии вполне хватило, чтобы отстоять Кремль от огня! Ни вечером 16-го, ни в последующие дни, серьезных возгораний там, по-видимому, уже не было. Возможно, что главным условием этого стала самоотверженная борьба частей Молодой гвардии с огнем вокруг Кремля. Ведь если пехота Старой гвардии (за исключением одного батальона) была выведена в Петровское, то вся дивизия Роге осталась на своих прежних местах возле кремлевских стен и в Мясницкой части. А, как полагаем, 17 сентября в Москву была введена и дивизия Делаборда, занявшая свое место рядом с солдатами Роге (сам Делаборд поселился во дворце Ростопчина). Что касается Легиона Вислы, то вечером 16-го генерал Клапаред повел ее в д. Панки, куда направилась и большая часть авангарда Мюрата^{сxxxvi}. Бригада Кольбера в тот день выдержала небольшой бой с казаками на Боровской дороге.

Итак, привлечение всего значительного комплекса зарубежных и отечественных материалов (которые, в целом, нельзя отнести к абсолютно не известным исследователям) проливает новый свет на, казалось бы, хорошо описанные события первых дней пребывания Великой армии в Москве. Становится очевидным, что Наполеон имел возможность, если и не предотвратит московский пожар, то, во всяком случае, значительно уменьшить его размеры и ограничить его страшные последствия.

Почему же он этого не сделал? Только по одной причине: вопреки всему прежнему опыту войны с русскими, которые поджигали все селения, оставляемые ими и в которые вступали французы, Наполеон совершенно исключал возможность такого исхода для Москвы. Объяснений этому - два: во-первых, Бородинское сражение и факт сдачи Москвы Наполеон расценивал не иначе, как окончательные условия для начала мирных переговоров с русскими, а во-вторых, французский император продолжал рассматривать идущую войну только как войну политическую, подчиненную давно устоявшимся в Европе правилам войны «цивилизованной». Ни герилья в Испании, ни «скифская тактика» русских не смогли поколебать в нем стереотипного взгляда западноевропейца в отношении «правильной войны». Таким образом, сегодня вполне возможно добавить еще один штрих к бесконечному многообразию объяснений великого московского пожара 1812 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ *Тартаковский А.Г.* Обманутый Герострат: Ростопчин и пожар Москвы II Родина. 1992. №6-7. С. 88-93.

ⁱⁱ *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1952. Т. 2; *Попов А.Н.* Французы в Москве в 1812 году. М., 1876; *Ельницкий А.* Ростопчин Ф.В. // Русский биографический словарь. Пл., 1918. С. 281-287.

ⁱⁱⁱ *Chambray G.* Histoire de l'expédition de Russie. Paris, 1838. Т. 2 (1-е изд. вышло в 1823 г.); *Thiers A.* Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris, 1856. Т. 14; *Olivier D.* L'incendie de Moscou. Paris, 1964; *Thiry J.* La Campagne de Russie. Paris, 1969; etc.

^{iv} *Registre d'Ordre du 2-e regiment de grenadiers a pied de la Garde Imperiale* // Российская национальная библиотека. Отд. рук. Fr. Q. IV. №95.

^v *Михайловский-Данилевский А.М.* Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839. 4.2. С. 56-57, 68-69, 160-161; *Богданович М.И.* Указ. соч. С. 326-328; 603. Примеч. 18-24; *Попов А.Н.* Указ. соч. С.124-125; *Соколов О.В.* Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 353; и др.

^{vi} *Extraits du livre d'ordres 2-e Regiment de grenadiers a pied de la Garde imperiale (2-e bataillon, 2-e compagnie)* // *Garnet de la Sabretache.* 1900. № 93. P. 575-576; № 95. P. 683-704. По-видимому, этим изданием из известных нам исследователей воспользовался только О.В. Соколов

^{vii} *Napoleon I. Correspondance de Napoleon I.* Paris, 1868. Т. 24; [*Derrecagaix*]. Le

marechal Berthier. Paris, 1905. Т. 2; *[Du Cause A.] Memoires et correspondance politique et militaire du Prince Eugene*. Paris, 1858 (1860). Т. 8; *Milly-Neslee A.-A.-A.* Mon journal pendant la campagne de Russie...// La campagne de 1812 d'apres des temoins oculaires /Publ. par G. Bertin. Paris, s.a. P. 141-146; *Castellane E.-V.-E.-B.* Journal. Paris, 1895. Т. 1; *Fantindes Odoards L.-F.* Journal. Paris, 1895; «Дорожный дневник» Коленкура (L'itineraire des Archives de Caulaincourt) опубликован в виде примечаний к парижскому изданию 1933 г. его мемуаров (*Caulaincourt A.-A.-L.* Memoires. Paris, 1933. Т. 1-2); *Vionnet de Maringone L.-J.* Souvenirs... Paris, 1899; *Pion des Loches AA.* Mes campagnes // La campagne de 1812 d'aprn des temoins oculaires. P. 125-134; *Bourgoing P.* Souvenirs militaires. Paris, 1897; *Bourgogne A.-J.-B.-F.* Memoires duser gent Bourgogne. Paris, 1900; *Boulart J.F.* Memoires militaires. Paris, 1894; *Berthezene P.* Souvenirs militaires de la Republiqueet de l'Empire. Paris, 1855. Т. 2; Воспоминания Генриха фон Брандта // Записки современников 1812 года. СПб., б.г. С.76-103; *Dumonceau F.* Memoires. Bruxelles, 1958. Т. 2; etc.

^{viii} *Caulaincourt A.A.L.* Op. cit.; *Segur Ph.P.* La campagne de Russie: Memoires. Paris, s.a.; *Fain A.-J. -F.* Manuscrit de 1812. Paris, 1827. Т. 2; *Denniee P.P.* Itineraire de l'Empereur Napoleon pendant la campagne de 1812. Paris, 1842; *Bausset L.-F.-J.* Memoires anecdotiques... Bruxelles, 1827. Т. 2 (цит. также no: La campagne de 1812 d'aprn des temoins oculaires. P. 135-137); *Gourgaud G.* Napoleon et la Grande Armee en Russie... Paris, 1825.

^{ix} *Martinien A.* Tableaux par corps et par batailles des officiers tues et blesses pendant les Guerres de l'Empire, 1805-1815. Paris, 1899.

^x *Chambray G.* Op. cit. Т. 2. P. 33; *Пеле Ж.* Бородинское сражение // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1872. Кн. 1. М., 1872. Приложение; *Fabry G.* Campagne de Russie (1812). Paris, 1903. Т. 4. Situation de la Grande Armee. P. 340-346, 348-349; *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. С. 412-413.

^{xi} *Земцов В.Н.* Указ. соч. С. 420.

^{xii} *Васильев АА., Попов АИ.* Grande Armee: Состав армии при Бородино. М., 2002. С. 10.

Примеч. 1.

^{xiii} *[Derrecagaix].* Op. cit. P. 437-438.

^{xiv} Сведения, поступившие Бертье, вероятно, еще не учитывали результатов столкновения 24 сентября французских гвардейских драгун с русскими у с. Бурцево. Впрочем, это могло и не повлиять на ту приблизительную оценку, которую сделал Главный штаб в связи с территориальной разбросанностью гвардейских кавалерийских частей.

^{xv} *Bourgogne A.-J.-B.-F.* Op. cit. P. 11.

^{xvi} *Fantin des Odoards L.-F.* Op. cit. P. 331-332.

^{xvii} См., напр.: *Bausset L.-F.-J.* Op. cit. P. 115; *Schuerman A.* Itineraire general de Napoleon I. Paris, 1911. P. 308. Полагаем, что, как и в других случаях, большей точностью, отличаются за-

писи в «Дорожном дневнике» Коленкура. Из них следует, что император прибыл верхом на Эмире в 3.30 к «воротам Москвы», вступил в пригород в 5 часов и «расположился в небольшом деревянном доме у въезда» (*Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. Т. 2. P. 7. Note 1).

^{xviii} *Segur Ph.P.* Op. cit. P. 170.

^{xix} См., напр.: *Fain A.-J.-F.* Op. cit. P. 54; *Bausset L.-F.-J.* Op. cit. P. 115; *Caulaincourt A.A.L.* Op. cit. Т. 2. P. 7. См. также свидетельства, собранные Д. Оливье (*Olivier D.* Op. cit. P. 59. Note 1).

^{xx} Мюрат - Богарне. Без места и без даты // *[Du Casse A.]* Op. cit. P. 47.

^{xxi} *Fain A.-J.-F.* Op. cit. P. 45-46.

^{xxii} Воспоминания Генриха фон Брандта. С. 96.

^{xxiii} Аббат Сюрюг, чьи свидетельства отличались предельной точностью, отметил, что «примерно к 5 часам вечера послышался звук труб; двигался французский авангард» (*Surugue A.* Mil huit cent douze: Les Francais a Moscou / Publ. par R.P. Libercier. М., [1909]. P. 26.) Напомним, что церковь Св. Людовика была в Мясницкой части, в 20-30 минутах ходьбы от Кремля. А. Бестужев-Рюмин, находившийся в те минуты в здании Вотчинного департамента в Кремле, свидетельствовал: «Когда сие войско входило в Кремль, то на стенных часах, которые в департаменте, показывало 4 с половиной часа»

(Бестужев-Рюмин А. Краткое описание... // Изгнание Наполеона из Москвы. М., 1938. С. 34).

^{xxiv} Обычно пишут о том, что в этом столкновении с французской стороны участвовали уланы, нередко уточняя - «польские уланы». Полагаем, что единственным достоверным источником этих сведений является А. Бестужев-Рюмин, наблюдавший, как « польские уланы» въехали через Троицкие ворота, а затем рубили стоявших у Арсенала с оружием в руках москвичей (Бестужев-Рюмин А. Указ. соч. С. 80-83). Во 2-м кавалерийском корпусе был только прусский 1-й сводный уланский полк; остальные полки легкой кавалерии были шеволежерские и гусарские. Г. Роос, врач из 3-го вюртембергского конно-егерского полка, входившего во 2-й кавалерийский корпус, свидетельствует, что первым вошел в город 10-й польский гусарский полк, а за ним шли прусские уланы, затем вюртембергские конные егеря, после - четыре французских гусарских и егерских полка 2-й дивизии легкой кавалерии (Роос Г. С Наполеоном в Россию. М., 1912. С. 141). Польские уланы (9-й уланский полк) были еще в дивизии легкой кавалерии 1-го армейского корпуса, приданной авангарду Мюрата. Но, судя по всему, вместе с Мюратом 14 сентября в город вошла только 2-я бригада, состоявшая из конно-егерских полков. Так что вопрос о польских уланах, рубивших москвичей в Кремле, остается открытым.

^{xxv} «Это войско входило в Троицкие и Боровицкие ворота, проходило мимо сенатского здания и вышло в Китай-город через Спасские ворота: шествие этой конницы продолжалось до глубоких сумерек непрерывно» (Бестужев-Рюмин А. Указ. соч. С. 34).

^{xxvi} *Dedem de Gelder*. Memoires. Paris, 1900. P. 249. А. Бестужев-Рюмин утверждает, что арестованных в Кремле с оружием в руках людей заперли в «новостроящейся оружейной палате» (Бестужев-Рюмин А. Указ. соч. С. 34).

^{xxvii} *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. T. 2. P. 4.

^{xxviii} Ibid.

^{xxix} *Bourgogne A.-J.-B.-F.* Op. cit. P. 12.

^{xxx} Ibid. P. 5.

^{xxxi} *Vionnet de Maringone L.-J.* Op. cit. P. 24

^{xxxii} *Bourgogne A.-J.-B.-F.* Op. cit. P. 14

^{xxxiii} *Vionnet de Maringone L.-J.* Op. cit. P. 24.

^{xxxiv} *Surugue A.* Op. cit. P. 26.

^{xxxv} *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. T. 2. P. 5.

^{xxxvi} *Bourgoing P.* Op. cit. P. 111.

^{xxxvii} Ibid.

^{xxxviii} Ibid. P. 111-112.

^{xxxix} *Fantin des Odoards L.-F.* Op. cit. P. 332.

^{xl} Ibid.

^{xli} *Dumonceau F.* Op. cit. P. 5; *Austin P.B.* 1812: Napoleon in Moscow. L., 1995. P. 41. Странно, но Бургонь записал, что в ночь с 15 на 16 сентября видел гвардейских улан, грабивших московские дома (*Bourgogne A.-J.-B.-F.* Op. cit. P. 23). Может быть, это были гвардейские уланы из дежурного эскадрона, сопровождавшего императора?

^{xlii} Воспоминания Генриха фон Брандта. С. 98.

^{xliii} *Pion des Laches AA.* Op. cit. P. 125. Пион де Лош не раз отмечал, что в те дни он состоял под началом майора Булара, который, как известно, командовал артиллерией при 2-й бригаде 3-й гвардейской пехотной дивизии (Старая гвардия).

^{xliv} *Pion des Loches AL.* Op. cit. P. 125-126. Бургонь также упоминает «площадь повешенных», но, видимо, это была другая площадь, где также вешали « поджигателей ».

^{xlvi} *Pion des Loches A A.* Op. cit. P. 126.

^{xlvi} *Austin P.B.* Op. cit. P. 27.

^{xlvii} Цит. по: Изгнание Наполеона из Москвы. С. 51. П. Бургоэнь, остановившись на причинах того, почему удалось сохранить Кремль и Кузнецкий мост, прямо заявил: «...мы заняли этот район в первые же дни нашего пребывания» (*Bourgoing P.* Op. cit. P. 118).

^{xlvi} См. напр.: *Попов А.И.* Указ. соч. С. 179-180.

^{xlix} *Роос Г.* Указ. соч. С. 148-149. Странно, но Брандт, находившийся той ночью, как и Роос, у Владимирской заставы, категорически уверял, что «ни 14, ни 15 сентября никакого пожара в Москве не было... не было никаких ракет и сигнальных огней, о которых упоминают некоторые словоохотливые писатели» (Воспоминания Генриха фон Брандта. С. 100). Из воспоминаний П. Бургоэня не совсем ясно, относит ли он начало пожара к ночи с 14 на 15, либо с 15 на 16 сентября (*Bourgoing P.* Op. cit. P. 112).

^l См., напр., свидетельство Н.Н. Муравьева (Изгнание Наполеона из Москвы. С. 56).

^{li} *Castellane E.-V.-E. B.* Op. cit. P. 154.

^{lii} *Pion des Loches A.A.* Op. cit. P. 126-127.

^{liii} *Surugue A.* Op. cit. P. 27-28.

^{liv} *Dedem de Gelder.* Op. cit. P. 250-251. «В первую же ночь, — отмечал Сегюр, — с 14-го на 15-е, огненный шар (un globe enflamme) опустился на дворец князя Трубецкого и сжег его. Это

был сигнал. Тотчас же после этого загорелась биржа» (*Segur Ph.P.* Op. cit. P. 183).

Возможно, этот же самый взрыв описал и Брандт, отнеся его, правда, к 15 сентября: «15 сентября около полудня на юго-восточном направлении послышался взрыв; говорили, что взлетело на воздух несколько повозок с порохом, принадлежавших 5-му корпусу. Белый цвет дыма и тот факт, что он поднимался отдельными круглыми клубами, не оставляли сомнения в том, что это действительно был взрыв пороха. После полудня то же самое произошло на Калужской дороге» (Воспоминания Генриха фон Брандта. С. 100).

^{lv} *Bourgogne A.-J.-B.-F.* Op. cit. P. 14.

^{lvi} *Ibid.* P. 15-20.

^{lvii} *Ibid.* P. 19. Так как пешие егеря Старой гвардии и гвардейские конные егеря еще не вступили в Москву, думаем, что Бургонь имеет в виду скорее всего фузелеров-егерей из той же бригады дивизии Роге, что и фузелеры-гренадеры.

^{lviii} *Ibid.* P. 20-21.

^{lix} *Vionnet de Marignon L.-J.* Op. cit. P. 25-29.

^{lx} *Caulaincourt A.A.L.* Op. cit. T. 2. P. 8.

^{lxi} В действительности подготовка к переезду шла всю ночь. Кремлевский дворец был ярко освещен. В действительности слуги императорской квартиры «выгружали из повозок сундуки, чемоданы, ящики, картины, перины и разные вещи» (История Москвы. М., 1954. Т. 3. С. 103).

^{lxii} *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. T. 2. P. 8; Бертье - Мортье, 16 сентября 1812 г. // *Chuquet A.* 1812: Notes et documents. Paris, 1912. Ser. I. P. 79; *Thiry J.* Op. cit. P. 168.

^{lxiii} Наполеон - маршалу Бессьеру. Москва, 15 сентября 1812 г. // *Correspondance de Napoleon I.* № 19206; *Thiry J.* Op. cit. P. 168.

^{lxiv} Наполеон - Бертье. Москва, 15 сентября // *Correspondance.* № 19207; *Thiry J.* Op. cit. P. 168

^{lxv} *Labaume E.* La campagne de Russie. Paris, 2001. P. 146; Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 599, 721, 777, 779, 781.

^{lxvi} *Bourgoing P.* Op. cit. P. 112.

^{lxvii} *Gourgaud G.* Op. cit. P. 273; Наполеон: Годы величия. М., 2001. С. 384 («Уже в 6 утра мы были в Кремлевском дворце», — отметил Констан); *Denniee P.P.* Op. cit. P. 90; Перечень известий из Москвы по 3 октября // Русский архив. 1864. М., 1866. Ст. 798; Французы в Москве (рассказы Корбелецкого) // Пожар Москвы. М., 2001. С. 137; *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. T. 2. P. 8; *Д'Изарн Ф.* Воспоминания московского жителя о пребывании французов в Москве в 1812 г. // Русский архив. 1869. № 9. Ст. 1410. В «Дорожном дневнике» Коленкур сделал следующую запись: «15-го, сел на Эмира в 6 утра для того чтобы отправиться в Кремлевский дворец» (*Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. T. 2. P. 8-9. Note 5). Однако в «Мемуарах», как мы уже отметили, Коленкур переместил событие на полдень!

^{lxviii} *Fantin des Odoards L.-F.* Op. cit. P. 332-333.

^{lxix} *Ibid.* P. 333.

-
- ^{lxx} Д'Изарн Ф. Указ. соч. Ст. 1424; Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 56; Богданович М.И. Указ. соч. Т. 2. С. 326; История Москвы. С. 103; и др.
- ^{lxxi} Французы в Москве (рассказы Корбелецкого). С. 136.
- ^{lxxii} Приказ на день. 18 сентября 1812 г. // *Garnet de lasabretache*. №93. Р. 575.
- ^{lxxiii} *Bourgogne A.-J.-B.-F.* Op. cit. P. 22-25.
- ^{lxxiv} *Austin P.B.* Op. cit. P. 23.
- ^{lxxv} *Mailly-Nesle A.-A.-A.* Op. cit. P. 137-138; Французы в России. М., 1912. Ч. 2. С. 21-22.
- ^{lxxvi} Часть офицеров квартировала в городе. На 30 сентября один батальон 2-го полка пеших гвардейских егерей квартировал в городском квартале вне Кремля (Приказ по Старой гвардии. Москва, 30 сентября 1812 г. // *Garnet* №95. Р. 691). Возможно он расположился там после возвращения из Петровского, но нельзя исключать, что батальон находился вне Кремля и раньше.
- ^{lxxvii} *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 159 (Кастелян отмечал что полки гвардейской кавалерии «размещены в пригородах, отдаленных друг от друга»); *Chambrey G.* Op. cit. T. 2. P. 146; etc. Комиссар 13-го участка (полагаем, что это была Пресненская часть) французского муниципалитета М. Марк сообщал, что без перерыва продолжается грабеж со стороны конных гренадеров гвардии (*Гронский ПЛ. Исторические материалы, извлеченные из Сенатского архива // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 3. С. 222*). Так что можно предполагать, что конные гренандеры стояли в районе Пресненской или Тверской заставы.
- ^{lxxviii} *Попов А.Л.* Указ. соч. С. 33-34.
- ^{lxxix} *Bourgogne A.-J.-B.-F.* Op. cit. P. 23.
- ^{lxxx} *Soltyk K Napoleon en 1812: Memoires historiques et militaires sur la campagne de Russie.* Paris, 1836. P. 273-278.
- ^{lxxxi} *Pion des Loches AA.* Op. cit. P. 127-128.
- ^{lxxxii} *Austin P.B.* Op. cit. P. 27.
- ^{lxxxiii} *Шведов С.В.* Московский арсенал // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. С. 479
- ^{lxxxiv} Изгнание Наполеона из Москвы. С. 43.
- ^{lxxxv} *Bourgogne A.-J.-B.-F.* Op. cit. P. 21.
- ^{lxxxvi} *Bourgoing P.* Op. cit. P. 112.
- ^{lxxxvii} Воспоминания Генриха фон Брандта. С. 98.
- ^{lxxxviii} Изгнание Наполеона из Москвы. С. 34.
- ^{lxxxix} Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 4. С. 148-149.
- ^{xc} Основные свидетельства исходят от русской стороны, и первые из них относятся только к 20-м числам сентября (см., напр.: Перечень известий из Москвы от 20 сентября // Русский архив. 1864. М., 1866. Ст. 791).
- ^{xc i} Записная книжка капитана Куанье, солдата Империи // Воин: Дайджест. 2003. № 1. С. 58.
- ^{xcii} *Бургонь.* Пожар Москвы и отступление французов. СПб., 1898. С. 49.
- ^{xciii} 15 сентября был отдан приказ выделять наряды из частей, стоявших вне города, «для поиска съестных припасов, кожи, сукна, меха, и т.д.» (*Gardier C. Journal de la Campagne de Russie en 1812.* Paris, 1999. P. 53). Но первенство, конечно же, принадлежало гвардии.
- ^{xciv} Воспоминания Генриха фон Брандта. С. 98.
- ^{xcv} *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. T. 2. P. 9.
- ^{xcvi} *Segur Ph.P.* Op. cit. P. 179.
- ^{xcvii} *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. T. 2. P. 9. Дворец XVIII в., в котором пребывал Наполеон, как известно, был сожжен после его отъезда, потом восстановлен, а затем в 1838 г. окончательно разрушен. Поэтому сегодня достаточно сложно воссоздать всю картину пребывания Наполеона в этих апартаментах (Их, в частности, попыталась описать Д. Оливье - *Olivier D.* Op. cit. P. 60, 69), о совершенно определенно, что окна спальни были обращены на Москву-реку (См. напр.: *Fain A.-J.-F.* Op. cit. T. 2. P. 46).

-
- ^{xcviii} Цит. по: *Thiry J.* Op. cit. P. 169.
- ^{xcix} *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. T. 2. P. 10; *Bausset L.F.J.* Op. it. P.116; *Thiry J.* Op. cit. P. 169; etc.
- ^c *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. T. 2. P. 10.
- ^{ci} *Bourgoing P.* Op. cit. P. 112-113.
- ^{cii} *Fantin des Odoards L.-F.* Op. cit. P. 333-334. Этим несчастным ученым мог быть либо смотритель университетского музея Ришар, либо же, что более вероятно, профессор Московского университета Х. Штельцер. Сгоревшие сокровища, почти без сомнения, принадлежали Московскому университету.
- ^{ciii} *Vionnet de Maringone L.-J.* Op. cit. P. 29.
- ^{civ} *Bourgogne A.-J.-B.-F.* Op. cit. P. 22.
- ^{cv} *Ibid.* P. 23-24.
- ^{cvi} *Pion des Loches AA.* Op. cit. P. 130.
- ^{cvi} См., напр.: *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 154-155; *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. T. 2. P. 11.
- ^{cviii} *Ibid.*
- ^{cix} *Labauve E.* Op. cit. P. 156.
- ^{cx} *Surugue A.* Op. cit. P. 31-32.
- ^{cx} *Fantin des Odoards L.-F.* Op. cit. P. 334.
- ^{cxii} Отечественная война и русское общество. С. 144-146; *Austin P.B.* Op. cit. P. 35.
- ^{cxiii} Наполеон - Марии-Луизе. Москва, 16 сентября 1812 г. №93. (Цит. по: *Thiry J.* Op. cit. P. 170-171).
- ^{cxiv} *Segur Ph.P.* Op. cit. P. 185-186.
- ^{cxv} *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. T. 2. P. 12.
- ^{cxvi} Нам не ясно, сидели ли обедавшие возле Оружейной палаты и видели перед собой или Императорский дворец, или Теремной дворец, либо же расположились у Арсенала, и тогда их взору открывалось здание Сената. Возможно, они сидели все-таки у Арсенала.
- ^{cxvii} *Bourgogne A.-J.-B.-F.* Op. cit. P. 24.
- ^{cxviii} *Vionnet de Maringonu L.-J.* Op. cit. P. 30. Другая часть полка продолжала находиться в районе ростопчинского дворца.
- ^{cxix} *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. T. 2. P. 13.
- ^{cxx} *Fain A.-J.-F.* Op. cit. P. 76-78; *Denniee P.P.* Op. cit. P. 93-95; *Doumerque A.* La Russie pendant les guerres de l'Empire. Paris, 1835. T. 2. P. 42, 72; etc. Сложно сказать, имели ли место в те часы попытки со стороны «поджигателей» проникнуть в Кремль или локальные пожары в нем происходили от горевших поблизости строений. Сюрюг полагал, что зажигательные снаряды бросались и в кремлевские здания (*Surugue A.* Op. cit. P. 31-32).
- ^{cxxi} Цит. по: *Austin P.B.* Op. cit. P. 38.
- ^{cxxii} *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. T. 2. P. 13. Опасения Наполеона были более чем оправданны. Пожар, в организации которого немалую роль сыграл Кутузов, помог русской армии оторваться от французского авангарда, уничтожить часть невывезенных ресурсов и дезорганизовать неприятельскую армию. В этой связи небезынтересно напомнить о полузабытой статье И.И. Полосина (*Полосин И.И.* Кутузов и пожар Москвы 1812 г. // Ист. зап. АН СССР. М., 1950. Т. 34. С. 122-165).
- ^{cxxiii} *Gourgaud G.* Op. cit. P. 278; *Fain A.-J.-F.* Op. cit. P. 76-78; etc.
- ^{cxxiv} Бельяр - Гильемино. Петровское, 1-я деревня по дороге в Коломну, 17 сентября 1812 г. // [*Du CasseA.*] Op. cit. P. 47.
- ^{cxxv} Были попытки разведать выход «через сады дворца Пашкова», но от этого варианта пришлось отказаться (*Langlois Ch.* Notice sur ie panorama de l'incendie de Moscou. S.I., [1839]. P. 7).
- ^{cxxvi} *Fain A.-J.-F.* Op. cit. P. 76-78; *Denniee P.-P.* Op. cit. P. 93-95, 190; *Богданович М. И.* Указ. соч. С. 306; и др.
- ^{cxxvii} *Schuerman A.* Op. cit. P. 308. А.Н. Попов считал, что это было в 2 часа дня (С. 39).

---

^{cxxviii} *Caulaincourt A.A.-L.* Op. cit. Т. 2. Р. 15. «Дорожный дневник» Коленкура // *Ibid.* Р. 15-16. Note 2.

^{cxxix} *Bourgogne A.-J.-B.-F.* Op. cit. Р. 25.

^{сxxx} *Fantin des Odoards L.-F.* Op. cit. Р. 334.

^{cxxxi} *Понов А.Н.* Указ. соч. С. 39-41. Единственное сомнение может возникнуть при чтении мемуаров Бургоня, который утверждает, что когда он со своими товарищами двинулся вслед за императором и его Старой гвардией, то они вышли вначале на набережную Москвы-реки, а затем отправились в поисках «губернаторской площади», оставляя Кремль с левой стороны («sur notre gauche*») (*Bourgogne A.-J.-B.-F.* Op. cit. Р. 25). Все остальные события (встреча императорским кортежем Даву, войска которого все еще стояли биваком у западных окраин Москвы, а затем встреча орудий Булара, двигавшегося из района Дорогомиловского моста) подтверждают версию А.Н. Попова.

^{cxxxii} *Segur Ph.P.* Op. cit. Р. 188-189.

^{cxxxiii} *Понов А.Н.* Указ. соч. С. 39-41. Где-то в районе переправы через Москву-реку у Дорогомиловского моста Наполеон со своим штабом был остановлен двигавшейся колонной орудий и зарядных ящиков майора Булара. Императору пришлось подождать, пока колонна пройдет (*Austin P.B.* Op. cit. Р. 39).

^{cxxxiv} *Fantin des Odoards L.-F.* Op. cit. Р. 334-335.

^{cxxxv} «Дорожный дневник» Коленкура // *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. Т. 2. Р. 15-16. Note 2.

^{cxxxvi} Воспоминания Генриха фон Брандта. С. 101.